
П.А. Ореховский

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ДИСКУРСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ИХ ВЛИЯНИЯ НА ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ
(вторая половина XX в.)

Москва
Институт экономики РАН
2023

Рецензенты:

д.э.н., профессор С.Д. Валентей

д.э.н., профессор Л.А. Мизеринь

д.э.н., профессор Т.В. Чубарова

Ореховский П.А. Историко-экономические основы дискурсов общественного развития СССР и Российской Федерации и их влияния на хозяйственные реформы (вторая половина XX в.): Научный доклад. — М.: Институт экономики РАН, 2023. — 42 с.

ISBN 978-5-9940-0746-4

Доклад представляет основные результаты научных исследований сектора философии и методологии экономической науки по теме государственного задания в 2021–2023 гг. В научный оборот экономической теории вводятся понятия когнитивной структуры, дискурсов, слепых пятен, реификации, темпоральности. С помощью этих понятий демонстрируется многозначность понимания социализма и политико-экономического устройства СССР.

Выделено три дискурса, соответствующих разным когнитивным структурам, в рамках которых организовывалось понимание социализма: либерально-демократический, марксистско-радикальный и марксистско-ревизионистский (конвергенции). Первые два отрицали социалистическую природу первого в мире государства рабочих и крестьян, поэтому они существовали на периферии советской экономической науки. Авторитетным дискурсом был третий.

В работе выдвигается три гипотезы. Во-первых, предполагается, что дисциплина политэкономии социализма развивалась в рамках гражданской религии и выполняла идеологические, а не научные задачи. Во-вторых, что дискурс политэкономов социализма — и соответствующая логика — использовалась руководителями партии и советского государства. В-третьих, что предлагаемые политэкономии-товарищами реформистские мероприятия по развитию демократизации, расширению прав предприятий и переходу к экономическим методам управления способствовали углублению социально-экономического кризиса и распаду СССР.

Верификация этих гипотез показывает их высокую правдоподобность. Доказывается, что идеологически товарищеские победили ещё в 1960-х годах, и реформы 1965–1991 гг. были основаны на их идеях. Однако в их концепциях было много слепых пятен. Наиболее важными неучитываемыми факторами было, во-первых, то, что советские предприятия имели другую институциональную природу, нежели капиталистические фирмы, что проявлялось в наличие больших непроизводственных фондов и социальных обязательств. Перед руководителями министерств и предприятий стояли другие задачи, нежели увеличение прибыли и расширение производства. Во-вторых, не учитывалось то, что СССР был конституционной конфедерацией, которая строилась вокруг марксизма и КПСС. Ликвидация последней вела к ликвидации государства.

Ключевые слова: дискурсы, когнитивная структура, политэкономия социализма, товарищеские и антитоварищеские, реформы, распад СССР.

Классификация JEL: B24, B41, P21, P30.

© Ореховский П.А., 2023

© Институт экономики РАН, 2023

© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	4
Глава I. Определения	5
Глава II. Социализм и СССР как дискурсивная проблема. Контурь исследования	8
Глава III. Гипотезы	14
Глава IV. Этапы эволюции авторитетного дискурса и реформы	16
1. Институционализация дисциплины: учебник	17
2. Товарники, антитоварники и экономические реформы 1965–1989 гг.	22
3. Слепые пятна во взглядах реформаторов	28
Заключение: другие реальности.....	33
Литература	37

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Настоящий доклад представляет наиболее важную часть результатов по государственному заданию «Историко-экономические основы дискурсов общественного развития СССР и Российской Федерации и их влияния на хозяйственные реформы (вторая половина XX в.)». В целях их компактного представления многое из того, что получено учёными Института экономики РАН, пришлось оставить за границами этого доклада. При этом существенные результаты были получены Е.А. Капогузовым, подключившимся на завершающем этапе выполнения госзадания, в 2023 г.; а также историками А.Ю. Ермоловым и В.Л. Степановым.

Хотя данный доклад готовился одним автором, он опирается на результаты, полученные совместно с другими сотрудниками сектора философии и методологии экономической науки. К глубокому прискорбию, в 2023 г. не стало Р.М. Нуреева и О.Б. Кошовец, которые внесли большой вклад в данное исследование наряду с Т.А. Вархотовым. В 2022 г. по теме госзадания была выпущена совместная монография под общей редакцией П.А. Ореховского, в 2023 г. вышла монография О.Б. Кошовец, которая наряду с Т.А. Вархотовым внесла существенный вклад в разработку теоретического инструментария, использованного в ходе нашего исследования.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Когнитивные структуры экономистов — коллективные системы понимания (измерения, описания и прогнозирования) наблюдаемых феноменов. Кроме того, *когнитивные структуры* можно определить как системы понятий, логических взаимосвязей и аксиом, накладывающих ограничения на исследовательскую работу экономиста. Близким к понятию когнитивной структуры является понятие парадигмы, введённое в оборот Т. Куном [Кун, 2003], предполагающее наличие *системы взглядов*, которой придерживаются учёные — *и напротив*, учёным считается тот, кто придерживается соответствующей системы взглядов. Однако когнитивные структуры — системы, обладающие собственной памятью¹, корпоративной этикой; они допускают манипулирование со стороны одних исследователей поведением и работой своих коллег. В этом отношении такие структуры являются не только «парадигмами»,

-
1. Часть обществоведов отрицает существование каких-либо спонтанных, неформальных коллективных структур сознания, подчёркивая необходимость чёткого разграничения между коллективными (отчуждёнными, навязываемыми извне) и индивидуальными (личностными, творческими) структурами. В этом отношении характерным примером является спор между немецкими историками Р. Козеллеком и А. Ассман: «...историк, по мнению Козеллека, обязан занимать противоположную позицию: “На мой взгляд, задача историка выше и важнее претензий на коллективизацию воспоминаний”. Он даже делает следующий шаг: задача историка “не формировать идентичность, а уничтожить её”. Эти слова звучат вызовом не только исторической науке, но и тем, кто конструирует память. Кто отвечает за конструирование памяти? Ответ зависит от формации политического социума. В тоталитарных обществах коллективную память творит и контролирует государство; в демократическом обществе конструирование коллективной памяти осуществляют сами граждане, деятели культуры и искусств, политические партии и особенно СМИ» [Ассман, 2023. С. 20]. Наша позиция близка к методологии А. Ассман, которая предполагает размывание границы между индивидуальной и коллективной памятью. Возможно, существуют экономисты, свободные как от мнения окружающих, так и от того, чему их когда-то учили, но пока они не оставили существенного следа в истории экономической мысли.

но и «идеологиями». Кроме того, наличие противоречий внутри когнитивных структур может быть признаком как их разрушения, так и «когнитивного тупика». Исследования в рамках последнего могут продолжаться достаточно долго.

Дискурсы экономистов – речевые (и невербальные) практики обсуждения экономических проблем. Зафиксированные в научных публикациях, дискурсы являются «материальными формами» проявления когнитивных структур.

Авторитетный дискурс – наиболее распространённая, общепризнанная практика обсуждения. Авторитетный дискурс формирует ядро экономических идиом, используемых исследователями без дополнительных пояснений, как позитивных, так и негативных. Тем самым легитимируются определённые идеологические установки (последние, впрочем, необходимо отметить как наиболее подвижную часть когнитивных структур). От дискурсов следует отличать *нарративы* – истории (модели), в которых рассматриваются отдельные экономические сюжеты.

Перформативность и иллокутивность (содержательность) речевых актов. Перформативность – утверждение или элемент высказывания, свидетельствующая о присоединении ученого к авторитетному дискурсу; иллокутивность – содержательное теоретическое утверждение или предложение по изменению исследовательской практики². *Перформативный сдвиг* – ситуация, когда в текстах экономистов всё большую часть начинают занимать цитаты авторитетов, при этом удельный вес иллокутивности существенно снижается³. Перформативный сдвиг обычно свидетельствует о переходе к когнитивному тупику.

Реальность экономистов – совокупность систематизированных статистических, юридических, социологических и исторических фактов, подлежащих осмыслению и последующей обработке для ретроспективного или перспективного прогноза. *Реализм* – убеждение исследователей в том, что есть одна истинная метатеория, в рамках которой можно непротиворечиво объяснить реальность. *Плюрализм реальности* – появившееся в период постмодерна

-
2. Теория речевых актов представлена в работах Д. Остина и Д. Серля, хорошо известных российским философам и лингвистам [Остин, 1986; Серль, 1986а; Серль, 1986б].
 3. Анализ перформативного сдвига и его результатов представлен в работе [Юриак, 2014].

убеждение некоторых групп исследователей в том, что есть несколько разнородных наборов фактов, которые невозможно объяснить с помощью единой теории. Последнее также допускает сосуществование противоречащих друг другу теорий, признаваемых истинными. Это невозможно в рамках реализма, поэтому исследователи, придерживающиеся соответствующих взглядов, предъявляют «плюралистам» обвинения в использовании инструментов *постправды* (фальсификации реальности).

Слепые пятна – ситуации игнорирования широко известных фактов и утверждений, не вписывающихся в логику реалистов. Как правило, такие проигнорированные факты и/или утверждения связаны с указанной выше разнородностью и пределами анализа, которые накладывает когнитивная структура.

Конструирование и реификация (овеществление) – один из способов работы экономистов с реальностью. Так, конструирование применяется при введении учётно-статистических групп, таких как «рабочий класс», «крестьянство», «служащие», видов экономической деятельности и т.д. Реификация используется экономистами для операции присвоения свойств тем или иным объектам (рабочая сила мобильна, спрос неэластичен и пр.). При этом существенно, что для экономистов конструирование и реификация – инструменты их когнитивной структуры. Но когда эти теоретические представления становятся формальными институтами, закреплёнными в официальной государственной практике, они становятся *фактами*⁴.

Темпоральность – временная ориентированность разрабатываемых экономистами теорий. Это свойство отличается от понятий статики и динамики обычных моделей. Экономические концепции, ориентированные *на будущее*, как правило, используют (явно или неявно) один из вариантов теории модернизации, предполагающие универсальность экономических законов, ведущих к богатству и процветанию. Напротив, ориентация на *прошлое* (при этом, как правило, ссылаются на институциональный «эффект колее») так или иначе связывает богатство и процветание с особыми «цивилизационными» экономическими законами.

4. Демонстрация примеров конструирования и реификации экономистами, работающими в государственном аппарате, представлена в работе [Кошовец, 2022]. Данная работа выполнена в рамках настоящего государственного задания.

СОЦИАЛИЗМ И СССР КАК ДИСКУРСИВНАЯ ПРОБЛЕМА. КОНТУРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие «социализм» является многозначным и очень сильно меняется в зависимости от контекста. Часть экономистов выносят его за рамки своей дисциплины, сводя «социализм» только к определённым вариантам политических режимов. В этом случае рассматриваемое понятие лишается темпоральности — до XX в. его не было, а в XXI в. его уже нет, хотя угроза победы тех или иных «социалистов» в отдельных государствах ещё сохраняется. Другие экономисты, напротив, связывали социализм с *будущим* человечества, провозглашая преимущества централизованного государственного планирования над рыночным «стихийным» механизмом согласования решений. В этом дискурсе присутствовали нормативные, идеологические оценки: социализм — это то, что должно прийти на смену капитализму⁵, это то, что *должно быть*.

Такие расхождения дискурсов приводят и к разным взглядам на СССР. Был ли СССР *социалистическим* государством? Как ни странно, не только западные, но и многие авторитетные советские и российские экономисты дают отрицательный ответ на этот вопрос.

Историческая судьба социализма и СССР, конечно же, сильно и взаимно связаны. Поэтому крах СССР многие обществоведы, включая экономистов, расценивают как крах социализма. Но не

5. Отдельная проблема — что представлял (и представляет) собой капитализм. В отношении этого, казалось бы, общепринятого понятия также существует множество дискурсов. Единственное, что их объединяет — вера в то, что капитализм *существовал* и *существует*. Однако анализ капитализма (и дискурсов, в рамках которых он обсуждался и обсуждается) выходит далеко за рамки предмета данного исследования.

может погибнуть то, чего не существовало. Так, если СССР не был социалистическим, ликвидация этого государства не может расцениваться как банкротство *социалистической экономики*.

Перейдём к характеристике основных дискурсов, в рамках которых обсуждались (и обсуждаются) «социализм» и «экономика СССР».

1. *Либерально-демократический*. Л. фон Мизес в своей работе представил объёмный массив риторических доказательств невозможности экономических расчётов при социализме [Мизес, 1994]. С учётом этого СССР рассматривался как разновидность тоталитарного политического режима с неэффективной экономикой. Ещё более жёстко высказался Ф. фон Хайек в отношении социал-демократической экономической политики, ставшей популярной после реформ Ф.Д. Рузвельта в западных странах [Хайек, 1992], нет сомнений в его негативных оценках политико-экономического устройства СССР. Взгляды «австрийцев», дополненные работами М. Фридмена и другими представителями чикагской школы, оказали большое влияние на группу советских «младореформаторов» во главе с Е. Гайдаром. В работе «Гибель империи» у автора не нашлось места для «социализма», история послевоенного СССР рассматривалась им как история «авторитарного режима» (вторая глава) и «нефтяного государства» (третья глава) [Гайдар, 2012]. Распад СССР, таким образом, не был связан с «социализмом», это был естественный результат безграмотной экономической политики. Важно подчеркнуть, что коммунисты в этом дискурсе легко трансформировались в национал-социалистов (Хайек) и фашистов (Гайдар). Как пишет идейный глава младореформаторов в своей работе 1994 г.: «Нам надо одновременно решать проблемы XIX в. — формирование правового государства; начала XX в. — искоренение остатков социального и промышленного феодализма, резкая демонополизация экономики; борьба с фашизмом другими крайними формами разрушительного конца XX в. ...»

Есть у нас и уникальные проблемы, которых, пожалуй, не было у других стран, как не было нигде такого мощного тоталитаризма. К таким проблемам относится формирование среднего класса, осознание обществом и государством легитимности частной собственности» [Гайдар, 2009. С. 367].

2. *Марксистско-радикальный*. «Где мы жили, в какой стране? Это что, был социализм, если сначала репрессировали сотни тысяч, миллионы человек и в первую очередь — коммунистов, а потом танки и бронетранспортеры понадобились, чтобы придать этому строю “человеческое лицо”? Это что, был социализм, когда в магазинах Калининграда и Нижнего Тагила, Архангельска и Астрахани годами нельзя было купить не то что видеоманитофон или буженину, а нормальную обувь и молоко (нельзя, ибо их не было, а потом цены стали просто сумасшедшими)? Это что, был социализм, когда ветераны труда стали мыкаться на мизерную пенсию, а молоденькие перекупщики, фарца и проститутки добывали большие суммы за один день (или ночь)? Это что, был социализм, когда в большинстве областей и регионов страны больницы и детдома были (и остались) похожими на сараи, а “слуги народа” жили, сменялись и, несмотря на всю критику в их адрес, по-прежнему живут и “служат” в беломраморных дворцах? Это был социализм?» [Бузгалин, Колганов, 1992. С. 9]. Как указывают авторы, первая редакция этого большого текста была написана весной 1987 г. После этого А.В. Бузгалин в 1990 г. становится членом ЦК КПСС, его соавтор А.И. Колганов — членом ЦК КП РСФСР, а статья перерабатывается шесть раз для разных изданий. Как — весьма справедливо — отмечают авторы далее: «Дискредитировать коммунизм не может никто, **кроме самих коммунистов** [выделено полужирным шрифтом авторами. — П.О.]. И коммунисты сделали это. Дискредитировали величайшее достижение человеческого разума — идею коммунистического будущего человечества... Дискредитировали, утопив в крови репрессий сталинщины, в пустозвонстве хрущевских обещаний, в болоте брежневского застоя...» [Там же. С. 11]. СССР — тупиковая мутация общественного развития — и авторы об этом пишут на редкость откровенно: «Вы видели когда-нибудь изуродованного полиомиелитом ребёнка? Одна нога короче другой, руки вывернуты в разные стороны, голова набок, говорить — и то едва может. И это человек?. Да, наш социализм, едва родившись, оказался поражён страшной болезнью бюрократического перерождения...» [Там же. С. 25–26]. Вроде бы пора с социализмом покончить, вернуться к «цивилизованному обществу», но авторы с эти не согласны. Они исходят из того, что в СССР не было «истинного социализма», был

извращённый государственный капитализм, вызывавший отчуждение трудящихся и всевластие бюрократии наряду с бесхозяйственностью. Настоящий социализм ещё только предстоит построить.

Говоря о марксистской радикальной критике, нельзя обойти вниманием Франкфуртскую школу [Вархотов, 2023а; Вархотов, 2023б]⁶. Будучи какое-то время «попутчиком» ВКП(б), эта школа уже в 1930-е годы начинает развивать критическую, негативную линию марксизма. В конце 1940-х годах К.-А. Виттфогель пишет свою работу о «гидравлических» деспотиях [Wittfogel, 1957], где социализм определяется как вариант «азиатского способа производства» (следует отметить вслед за Т.А. Вархотовым, что характеристику Востока Виттфогелем восприняли крайне отрицательно такие историки, как А. Тойнби и Дж. Нидэм⁷).

С Франкфуртской школой, с одной стороны, смыкается известная критика обуржуазившихся бюрократов-большевиков Л.Д. Троцким [Троцкий, 1991], а с другой – осмысление советского (и, шире – восточного) социализма как «государственного капитализма», варианта эксплуататорского и диктаторского политического режима. Во главе такого устройства оказывается «новый класс» – номенклатура, соцолигархия, бюрократы, присваивающие большую часть «прибавочного продукта». Здесь стоит отметить М. Джиласа, М. Восленского, Я. Кронрода, Р. Нуреева [Джилас, 1958; Восленский, 1991; Кронрод, 1992; Нуреев, 1990], хотя круг таких исследователей, как и сама радикальная традиция, очень широк. По-видимому, здесь же следует выделить и такого крупного философа-марксиста, как А.А. Зиновьев. С одной стороны, он считал СССР государством, обладающим реальным коммунистическим устройством, с другой стороны, его характеристика «реального коммунизма» была исключительно уничижительной. По его мнению, в СССР доминировали «отношения коммунальности», ничем не ограниченная зависть исключала реализацию творческого начала в *homo soveticus*, так

-
6. Работа выполнена в рамках настоящего государственного задания.
 7. «Фундаментальная работа К. Виттфогеля получила разгромные и слегка озадаченные масштабом несогласия рецензентов с автором отзывы. В частности, А. Тойнби выразил “обеспокоенное подозрение”, что “книга является политической, а не научной”, а Дж. Нидэм написал, что “книга представляет собой величайшую медвежью услугу, когда-либо оказанную объективному изучению истории Китая” и “профессор Виттфогель утратил всякий контакт с реальностью» [Вархотов, 2023б. Примечание. С. 53].

что тоталитаризм пронизывал всё это общественное устройство [Зиновьев, 1994].

3. *Теория конвергенции, марксисты-ревизионисты.* Первым крупным западным экономистом, который придерживался вполне либеральных взглядов и полагал, что социализм (и общественная собственность) могут быть совместимы с демократией и сравнительно эффективной экономикой, а заодно полагавшим, что в будущем социализм победит, был, по-видимому, Й. Шумпетер [Шумпетер, 1995]⁸. Прорывной же работой в этом отношении стала работа Дж.К. Гэлбрейта, в которой обосновывалась решающая роль нового класса — техноструктуры — при капитализме, а центральным механизмом согласования интересов признавался не рынок, а планирование. Социализм в таком случае рассматривался как одна из двух форм «индустриального общества» [Гэлбрейт, 1969]. Это во многом согласовывалось с марксистскими представлениями о том, что страны с примерно одинаковыми производительными силами должны иметь для последующего развития и близкий друг другу характер производственных отношений. Отсюда возникает идея конвергенции, допускающей, с одной стороны, развитие товарно-денежных отношений и рынка при социализме, а с другой стороны — развитие планирования при капитализме. Уже в 1960-е годы развитие товарно-денежных отношений становится, по сути, авторитетным дискурсом. Его постепенно начинает придерживаться большинство политэкономов⁹. И хотя «теория конвергенции» в СССР продолжала подвергаться критике, но Хельсинкские соглашения и переход к «мирному соревнованию двух систем» свидетельствовали об

-
8. Кроме того, в 1920-е годы возможности экономического расчёта при социализме обосновывали Э. Бароне, О. Ланге и некоторые другие экономисты; однако их работы игнорировали проблему политической формы (модели демократии и/или автократии) социалистического государства.
 9. «В научной экономической литературе по-прежнему наиболее распространённой остаётся точка зрения, признающая социалистическое производство товарным. Так, в своей совместной статье А.М. Румянцев, Т.С. Хачатуров и А.И. Пашков указывали на товарность производства при социализме. Формула “товарный характер производства” при социализме использовалась в работах В.А. Пешехонова. Вполне определённую позицию занимал в этом вопросе и Д.К. Трифонов... В учебнике политической экономии для экономических вузов и факультетов справедливо утверждается, что “одной из важных особенностей, характеризующих непосредственно-общественное производство на стадии социализма, является необходимость производства продуктов как товаров”. Такое же мнение по этому вопросу высказано нами в экономической энциклопедии...» [История политической экономии социализма, 1983. С. 300–301].

определённой ревизии марксизма. Социализм – первая ступень коммунистической, неэксплуататорской общественно-экономической формации, но в качестве таковой он может соседствовать с «индустриальным обществом». При этом СССР рассматривался как реально существующий социализм, а, например, США – как «индустриальное общество».

Далее речь пойдёт об эволюции именно последней, ставшей официальным авторитетным дискурсом, позиции *большинства* советских экономистов-теоретиков. СССР ими рассматривался именно как социалистическое государство, где власть перешла в руки «рабочих и крестьян», отсутствуют «эксплуататорские классы». В силу отсутствия социальных антагонизмов, а также реализации научного предвидения, на основе которого осуществлялось централизованное планирование, экономика СССР должна была бы показывать высокие темпы экономического развития, а население пользовалось бы всеми плодами научно-технического прогресса.

Следует подчеркнуть, что только такая позиция согласовывалась с формой советского марксизма-ленинизма, который выполнял в СССР роль *гражданской религии*. Одно из современных направлений в политической философии – политическая теология – обосновывает необходимость наличия такой гражданской религии для устойчивости любого государственного устройства. Марксизм-ленинизм легитимировал власть КПСС – «передового отряда трудящихся», общенародную собственность, планирование и ещё целый ряд важнейших социально-экономических институтов. Либерально-демократический и марксистско-радикальный дискурсы были несовместимы с авторитетным дискурсом, публичная демонстрация указанных теоретических позиций расценивалась как «антисоветская агитация» и преследовалась в уголовном порядке на протяжении большого периода существования этого государства. Когда же во второй половине 1980-х годов их стало можно высказывать открыто, это означало начало процесса делегитимации СССР.

ГИПОТЕЗЫ

Политическая экономия социализма являлась важным элементом официальной гражданской религии¹⁰ (другими такими общепризнанными элементами были научный коммунизм, марксистско-ленинская философия и история КПСС). Поэтому к этой дисциплине были неприменимы традиционные научные критерии конвенциональности используемых категорий и процедур верификации / фальсификации. Радикальная позиция, в рамках которой в СССР не существовало социализма, низводит политэкономия социализма к бодрийаровскому симулякру — *копии, не имеющей аналога в реальности* [Бодрийар, 2003]. В авторитетном дискурсе подчёркивалось, что социализм — нечто, сильно отличающееся от капитализма. Дальнейшая же дискуссия — *чем должен быть социализм* — становилась *политически опасной*.

Первая гипотеза. Политическая экономия социализма, как и экономическая теория при социализме в целом должна была выполнять идеологические задачи (критика капитализма, подчёркивание различий между советской экономикой и западной, демонстрация эффективности и успехов планирования), но не исследовательские (объяснение наблюдаемых феноменов).

Ныне почти забытая теория конвергенции являлась достаточно широким теоретическим направлением и допускала разработку проектов, которые были призваны повысить эффективность работы существующей экономической системы. Эти проекты не могут быть радикальными, допускающими резкое изменение отношений собственности или полной перестройки финансово-кредитной

10. Подробнее о гражданских религиях [Фурман, 2011; Фегелин, 2021; Джентиле, 2021].

системы. Однако такие вопросы, как система стимулов и показателей эффективности, границы самостоятельности хозяйственных агентов, приоритетные направления инвестиций (капитальных вложений), механизмы ценообразования являлись легитимным полем для дискуссий.

Вторая гипотеза. Несмотря на то что в СССР политэкономы были крайне далеки от центров принятия решений (Кабмина и Госплана, ЦК КПСС, Госбанка, Минфина), их риторика оказывала большое влияние на эти центры. Дискуссии политэкономов обычно предвещали решения о реформировании экономики (исключением являются реформы Н.С. Хрущева, что объясняется, с одной стороны, политической целью этих реформ, а с другой — тогдашним уровнем развития политэкономии).

Специфический статус политической экономии в СССР привёл к формированию когнитивной структуры, сочетающей игнорирование и/или полностью неверное понимание наблюдаемых институциональных феноменов наряду с тщательной проработкой механизмов планирования, стимулирования, финансирования различных хозяйственных агентов (предприятий, производственных объединений, учреждений, в том числе — науки и образования, министерств и ведомств). Такая ситуация была неизбежной, учитывая идеологическую роль марксизма в развитии этой дисциплины. Однако если вторая гипотеза верна, то слепые пятна политэкономов социализма оказывались не просто естественными результатами рассматриваемой парадигмы, оставаясь «*внутри теории*», но и должны были *практически* существенно повлиять на развитие советской экономики.

Третья гипотеза. Отстаиваемые рядом наиболее авторитетных советских политэкономов «прогрессистские реформы» демократизации и расширения прав предприятий, не учитывающие институциональных особенностей советской экономики, способствовали резкому обострению социально-экономического кризиса и вели к распаду СССР.

ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ АВТОРИТЕТНОГО ДИСКУРСА И РЕФОРМЫ

Дискуссии о социализме вновь возникают в СССР в 1950-е годы после смерти И.В. Сталина. В 1954 г. выходит первый учебник политической экономии для вузов с «социалистическим» разделом. Однако в то время социализм всерьёз обсуждают и историки, и будущие социологи (эта дисциплина вместе с «научным коммунизмом» завоёвывает социальный статус ближе к концу 1960-х годов), и философы. В риторике обществоведов часто употребляется оборот «возвращение к ленинским нормам».

Новое устройство общества невозможно без формирования «новых людей». Дискуссионная идея о том, что их нужно сформировать раньше, чем полностью выстроится новое общество, лежит за пределами экономики как научной дисциплины. Идеалистическая концепция, частью которой являлось требование направления основных усилий обществоведов на формирование «коммунистического сознания», развивается Э.В. Ильенковым. Следует отметить, что он также оценивал устройство СССР как «государственный капитализм», ссылаясь на К. Маркса. Но, по его мнению, это бюрократическое устройство было необходимой «переходной ступенью» в ходе социалистической трансформации, а не самоцелью новой элиты тоталитарного государства. В свою очередь, попытка создания «нового человека» в ходе процесса мыследеятельности предпринималась Г.П. Щедровицким в ходе его методологических семинаров, а впоследствии — и с помощью организационно-деятельностных игр¹¹.

11. Подробнее дискуссии вокруг проектов социализма, включая работы Э.В. Ильенкова и Г.П. Щедровицкого, рассматривались в [Ореховский, Вархотов, Кошовец, 2022a; Ореховский, Вархотов, Кошовец, 2022b]. Работы выполнены в рамках настоящего государственного задания.

Нельзя сказать, что дискуссии обществоведов никак не повлияли на коммунистическую элиту. В 1961 г. принимается третья программа КПСС, составной частью которой становится примечательный документ – «Моральный кодекс строителя коммунизма». Но центральной частью марксизма остаётся экономический детерминизм, правдоподобное допущение о том, что индивиды и социальные группы (классы) действуют, в первую очередь исходя из своих материальных интересов. Именно эта посылка использовалась и в политэкономии социализма. Главным являлся «базис», производительные силы и производственные отношения, а «общественное сознание», нормы социалистического поведения индивидов относились к «надстройке». Поэтому неудивительно то, что политэкономия социализма стала ведущей теоретической дисциплиной, а большая часть выступлений руководства КПСС посвящалась экономике.

1. Институционализация дисциплины: учебник

Как уже указывалось выше, нельзя было изучать общественный строй, которого ещё нет. Но к 1950-м годам, если основываться на утверждениях руководства СССР, *социализм уже был построен*. А в таком случае необходимость в теоретической дисциплине, которая бы изучала материальный базис нового общественного строя, становилась крайне острой. Нужны были и исследователи, которые бы этим занимались, причём на базе общих понятий и конвенциональных утверждений, характеризующих «новую экономику»¹².

Первый учебник политэкономии (1954 г.) внешне вполне соответствовал этим критериям. Он задал структуру не только учебного курса, но и дисциплины в целом. В рамках заявленных разделов впоследствии работали целые коллективы учёных (отношения собственности; планомерность и планирование; товарно-денежные отношения, товарооборот, ценообразование; хозрасчёт; распределение по труду и материальное стимулирование и т.д.). В рамках проверки первой гипотезы остановимся на некоторых концептах этого учебника (все их здесь рассматривать нет смысла), которые

12. Стоит отметить, что такая необходимость вполне осознавалась большевиками уже в 1920-е годы. Так, Е. Преображенский попытался создать такую теоретическую дисциплину [Преображенский, 2008].

во многом предопределили формирование когнитивной структуры советских экономистов-теоретиков.

Первый концепт – это общественная собственность на средства производства. Вообще говоря, это одно из самых тёмных мест марксизма. Учебник в основном определяет «общественную собственность» через негатив, т.е. через то, что отличает её от частной, буржуазной собственности, постоянно ссылаясь на классиков: «рабочая сила и средства производства – соединились здесь на новой базе. Этой базой является крупное социалистическое производство как в городе, так и в деревне. Поскольку средства производства перестали быть капиталом, при социализме отсутствует деление накопленного труда на постоянный и переменный капитал... “В буржуазном обществе живой труд есть лишь средство увеличивать накопленный труд. В коммунистическом обществе накопленный труд – это лишь средство расширять, обогащать, облегчать жизненный процесс рабочих”» [Политическая экономия, 1954]. Из немногих позитивных определений можно найти следующее: «В первой фазе коммунизма общественная социалистическая собственность существует в двух формах: 1) в форме государственной собственности и 2) в форме кооперативно-колхозной собственности. *Государственная социалистическая собственность* есть собственность всего советского народа в лице социалистического государства рабочих и крестьян. *Кооперативно-колхозная социалистическая собственность* есть собственность отдельных колхозов, кооперативных объединений» [Там же. С. 285]. Но чем, собственно, государственная собственность (впрочем, как и кооперативная) при социализме отличается от такой же при капитализме? Авторы поясняют: «Государственная социалистическая собственность в корне отлична от государственной капиталистической собственности. При переходе тех или иных предприятий или даже целых отраслей хозяйства в собственность буржуазного государства их социальная природа не меняется. Буржуазное государство представляет интересы монополистического капитала и является в его руках аппаратом насилия, посредством которого обеспечивается угнетение трудящегося большинства имущим меньшинством...

В социалистическом обществе рабочий класс держит в своих руках власть. Он владеет государственными средствами произ-

водства совместно со всем народом. Рабочая сила, применяемая на социалистических предприятиях, не является товаром, так как рабочий класс, владеющий средствами производства, не может сам себя нанимать и сам себе продавать свою рабочую силу. Ввиду этого на государственных социалистических предприятиях исключена всякая возможность эксплуатации человека человеком» [Там же. С. 286]. Таким образом, главным в отношении собственности является *политическое различие*: при капитализме государство находится в руках «монополистического капитала» (или других групп буржуазии), при социализме — руках народа.

В марксистской традиции рабочий класс представлял народ, а его передовая часть (социал-демократы) — лучшая, сознательная часть пролетариата. В условиях западного индустриального общества, где в 1950-е годы «промышленный пролетариат», да и собственно «рабочий класс» начал стремительно сокращаться, к указанной традиции можно было бы предъявить большие претензии. Но здесь важно совсем не это.

В коммунистическом бесклассовом обществе, в котором нет оснований для политической вражды, снимаются основания для одной из главных марксистских тем — *отчуждения*. Последнее сохраняется *технически*, будучи обусловлено разделением труда, но оно уже не является основанием для конфликта между различными социальными группами — ведь собственность является *общенародной*. В свою очередь, и «рабочий класс» постепенно заменяется на «трудящихся», окончательно сливаясь с «народом». В рамках этого концепта любой мыслитель, рассматривающий проблему отчуждения при социализме, представлялся опасным ревизионистом.

Концептом, закрепляющим устранение отчуждения, был «непосредственно общественный характер труда». Это означало, во-первых, то, что: «Труд при социализме является трудом, свободным от эксплуатации» [Там же. С. 308], во-вторых, то, что трудящиеся используют средства производства, находящиеся в *общенародной* собственности, что автоматически делает их труд не частным, но общественным, и, в-третьих, что они участвуют в планомерной организации труда в масштабе всего общества.

Другими словами, непосредственно общественный характер труда означал тотализирующую реальность, где каждый

трудящийся занимал своё место в производственно-функциональной структуре. «В социалистическом обществе руководители предприятий, трестов, главных управлений, министры являются доверенными людьми и слугами народа, социалистического государства. При капитализме народ относится к хозяйственным руководителям — директорам, управляющим, начальникам цехов, мастерам — как к врагам, так как они руководят хозяйством в интересах капиталистов, ради их прибылей. При социализме хозяйственные руководители пользуются доверием народа, так как они управляют хозяйством не ради прибылей капиталистов, а ради интересов всего народа» [Там же. С. 314]. Всё это, естественно, никак не должно входить в противоречие с законом распределения по труду — причём при отсутствии рынка труда оценивать вклад каждого трудящегося так или иначе должны были его начальники. Естественно, это требовало разделения отношений власти (господства) и управления (организации). Советские политэкономы не видели в этом проблемы, поскольку власть всё равно принадлежала «рабочим и крестьянам», но, как уже указывалось, такое слияние и послужило основанием для появления концепции «власти — собственности», «социалистической олигархии» и «азиатского способа производства».

Ещё одним важным концептом, также оказавшим большое влияние на советскую общественную мысль, являлся «основной закон социализма». Авторы учебника приводят его в формулировке Сталина: «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники» [Там же. С. 294]. Здесь тоже неявно предполагается однородность социалистического общества (удовлетворение потребностей одних его членов не может достигаться за счёт других). Но, кроме этого, не может не поражать марксистская претензия на «конец истории» — ведь все до-социалистические политические устройства терпели крах именно потому, что «надстройка» так или иначе сдерживала «удовлетворение растущих потребностей». По сути, это марксистская версия «конца истории» (отметим, что в отношении «основного закона социализма» существовал общий кон-

сенсус). Учитывая то, что государство по мере строительства социализма должно было «отмереть», а заодно должна была исчезнуть и классовая борьба, вывод о смерти прежних политических форм являлся банальностью.

Любой учебник, где рассматривается экономическая система, может быть написан в рамках двух научных жанров (нарративов) или их сочетания:

1) проблематизация социалистической экономической теории: предъявление механизмов того, как работает советское хозяйство, какие задачи необходимо решить, что является ещё не изученным (в таком случае политэкономия приобретала бы статус обычной «позитивистской науки»);

2) сборник рекомендаций по рациональному социалистическому хозяйствованию (для домохозяйств, руководителей предприятий, отраслей, регионов, страны в целом), своего рода технические инструкции «строителям коммунизма». В этом случае реализовывалась бы, если использовать терминологию И. Лакатоса, бухаринская «научная программа», политэкономия превращалась бы в проектный инструмент.

Учебник 1954 г. не был ни тем, ни другим. Как следует из характеристики приведённых выше концептов, основной его функцией была легитимация сложившегося политико-экономического режима (отметим, что до XX съезда КПСС эта легитимность никем не подвергалась сомнению). Новая наука – политэкономия социализма – представляла собой изящный артефакт, подобный скульптуре «Рабочий и Колхозница» В. Мухиной, прославлявший новое общество и имевший символическое, индоктринальное и перформативное значение.

История последующих учебников (под ред. Н.А. Цаголова, под ред. А.М. Румянцева, под ред. В.А. Медведева, Л.И. Абалкина, О.И. Ожерельева), конечно, представляет существенный интерес. Достаточно указать на то, что для создания таких курсов требовалось одобрение и поддержка ЦК КПСС, но детали этой истории выходят далеко за пределы темы данного доклада. Здесь же стоит повторить, что первый учебник создал базу теоретических конвенций, которая использовалась как в более поздних работах политэкономов, так и в риторике руководства СССР и КПСС.

2. Товарники, антитоварники и экономические реформы 1965—1989 гг.

Дискуссии между «товарниками» и «антитоварниками» начинаются уже в 1950-е годы, при этом внешнему наблюдателю, который не обладал соответствующей марксистской подготовкой, такие дискуссии могли бы показаться крайне схоластическими. Как уже говорилось, подавляющее большинство политэкономов признавало реальность существования товарно-денежных отношений при социализме. В общем-то можно сказать, что разница заключалась в акцентах интерпретации принципа «демократического централизма»: товарники настаивали на «демократизации», а антитоварники — на «централизме». На крайних позициях оказывались те, кто, с одной стороны, полагал, что центральную роль при социализме играет «закон стоимости» (в частности, Г.С. Лисичкин), а с другой — главным законом является закон планомерного, пропорционального развития (в частности, Н.А. Моисеенко).

Тем не менее такие крайние позиции не приветствовались (стоит отметить, что в очень важной монографии «История политической экономики социализма», написанной авторитетным коллективом авторов и отредактированной Д.К. Трифоновым и Л.Д. Ширококорядом, Г.С. Лисичкин и его взгляды не упоминаются). Лидер политэкономов в МГУ, Н.А. Цаголов, главный редактор нового, вышедшего в 1963 г. учебника политической экономики [Курс политической экономики, 1963]¹³, развивал изошрённую диалектическую концепцию, суть которой заключалась в признании товарного обращения (где действовал закон стоимости), но отрицался товарный характер производства (где действовали планомерность и непосредственно-общественный характер труда).

Естественно, что внутри среды политико-экономов социализма складывались свои коалиции, где нюансы идеологических противоречий дополнялись межличностными симпатиями и антипатиями. Так, Т.Е. Кузнецова, бывшая сотрудником Института экономики АН СССР, характеризует Н.А. Цаголова и его школу как антитоварников, в противоположность прогрессистам-товарникам,

13. Стоит отметить, что этот двухтомник дважды переиздавался в СССР (1970, 1973—1974) и 14 раз за рубежом (на Кубе, в ГДР, ЧССР, ПНР, ФРГ, КНР, Турции, Греции и Японии).

работавшим в секторе Я.А. Кронрода [Кузнецова, 2005]. В свою очередь, прогрессизм Я.А. Кронрода, как пишет М.И. Воейков, заключался в следующем: «чтобы в методологическом плане обосновать рыночный социализм, не называя его именно так, следовало сделать ещё один, пожалуй, решающий шаг. Необходимо было оторвать социализм от коммунизма, довольно прочно отделить их друг от друга. И Кронрод этот шаг сделал. Я имею в виду дискуссию в январе 1971 г. о социализме как особом способе производства, которая проходила в Институте экономике АН СССР и после которой Институт решением ЦК КПСС был полностью реорганизован... сектор Кронрода “был фактически ликвидирован, в Институт пришли последователи университетской [цаголовской] школы, а молодые учёные, разделявшие взгляды Я.А., были вынуждены уйти в другие учреждения (Б.В. Ракитский, И.Я. Обломская)... Многим врезалась в память реплика Ю.А. Седышева... “Кронрод — это глыба”. Эти слова стоили Ю.А. Седышеву перевода из сектора политэкономии в сектор информации”. Я.А. Кронрод из заведующего сектором был переведён в “исполнявшего обязанности” старшего научного сотрудника. Вот такой была судьба творческого учёного в советский период» [Воейков, 2023. С. 177].

В официальной риторике ЦК КПСС о «коммунизме» перестали говорить уже после ухода Н.С. Хрущева с поста Первого секретаря. Уже на XXIII съезде КПСС (1966 г.) стали говорить о «зрелом социализме» и «окончательной победе социализма», в 1967 г. Л.И. Брежнев заявил, что в СССР — «развитое социалистическое общество», на XXIV съезде КПСС (1971 г.) понятие «развитого социализма» как особого способа внутри коммунистической, неэксплуататорской экономической формации стало общепринятым. Можно только гадать, каким образом теоретические концепты марксистов попадали в официальную риторику ЦК КПСС, но они активно использовались партийными руководителями. Учитывая эти обстоятельства, вряд ли можно говорить о *разгроме товарников*. Скорее карьерные неприятности сотрудников ИЭ РАН заставляют задуматься о том, как цаголовцы убедили ответственных работников ЦК КПСС *наказать* ИЭ АН СССР за ту самую идеологическую позицию, которую *озвучивал генеральный секретарь* ЦК КПСС...

Собственно, всю историю экономического реформирования в СССР можно рассматривать под углом *идеологической победы* товарников над антитоварниками. Реформы, начатые в 1965 г. Кабинетом министров под руководством А.Н. Косыгина, как раз и были направлены на расширение самостоятельности предприятий и производственных объединений, сокращение количества плановых показателей, усиление роли материального стимулирования и т.д. Началу этих реформ предшествовал выход статьи Е. Либермана «План, прибыль, премия» в газете «Правда» в 1962 г. В недавно вышедшей и крайне важной, по нашему мнению, для экономической истории СССР работе Н. Митрохин поясняет, почему Либерман не оказался среди разработчиков реформы 1965 г.: «благодаря Григорию Попову становится понятным, почему предложения по реформе от Евсея Либермана и “харьковской группы” были выслушаны и внедрены, но сами участники групп не были допущены до процесса формирования новой реформы. Дело в том, что прогрессистская... в политическом отношении группа, сложившаяся вокруг Никиты Хрущева... поддерживала идею, что сокращение инвестиций в производство средств производства (то есть машиностроение и ВПК) не нужно... Политэкономисты поддерживали продолжения инвестирования в “железо” тяжёлой промышленности, поскольку “харьковская” школа, к которой принадлежали Румянцев и Либерман, выросла именно на машиностроительной и горнорудной тематике. Макроэкономисты очевидным образом представляли текстильное и пищевое лобби...

Таким образом, интересы Косыгина в вопросах направления инвестиций коренным образом расходились с “харьковской группой” и суперкланом Леонида Брежнева. А вот в вопросе поиска разумного сочетания управленческой вертикали (министерств) и стимуляции активности директорского комплекса они прекрасно сочетались» [Митрохин, 2023. С. 94–96]¹⁴.

Идеологические победы товарников могли сопровождаться (и сопровождалась) периодическими кадровыми поражениями. Как указывает Н. Митрохин, причиной неприятностей Я.А. Крон-

14. Николай Митрохин — физическое лицо, исполняющее функции иностранного агента на территории РФ (включён в список иноагентов Министерства юстиции России).

рода был Сергей Трапезников и возглавляемый им отдел науки ЦК КПСС: «...в отделе Трапезникова в секторе экономической науки работали реальные сталинисты, наиболее активные противники любого отказа от планирования, строго следившие за попытками учёных в академических вузах и профессиональных СМИ обсуждать вопросы реформирования плановой экономики...

В первую очередь мы говорим о таких заведующих сектором, как Павел Скипетров (с 1968-го по середину 1970-х) – “оголтелый антитоварник из цаголовской обоймы” и Михаил Волков (с середины 1970-х по 1985-й)» [Там же. С. 447]. Как полагает Митрохин, Л.И. Брежнев «не очень интересовался тем, что происходило в сферах, которые он отдал под контроль ключевым членам Политбюро... С другой стороны, в советской модели управления традиционно допускалось наличие разных вариантов мнений по важным вопросам, наличие конкурирующих партийных группировок (в рамках господствующего дискурса на построение социалистического общества» [Там же. С. 453].

Таким образом, разборки П.А. Скипетрова с Институтом экономики в целом и с Я. Кронродом лично мало влияли и на реформы, и на общую экономическую политику руководства СССР. Более того, неприятности сотрудника Кронрода Б.В. Ракитского закончились тем, что сталинист В. Майер в 1973 г. взял его на работу в НИЭИ при Госплане СССР и назначил Ракитского на должность заведующего сектором в отделе народного благосостояния.

Карьерные удары антитоварников по товарникам и соответствующие ответы товарников – активная борьба за символическую власть в поле экономической науки – сказались прежде всего на речевых практиках политэкономов социализма. В 1970-е годы происходит *перформативный сдвиг*: в работах теоретиков всё большее место занимают цитаты классиков марксизма-ленинизма и признанных советских авторитетов. Расцветает марксистская схоластика [Ореховский, Нуреев, 2023]¹⁵. Споры вокруг «основного» и «исходного» производственных отношений свидетельствуют об углублении когнитивного тупика: с одной стороны, используется изошрённая марксистская диалектика, с другой – общественная

15. Работа выполнена в рамках настоящего государственного задания.

собственность интерпретируется просто как государственная. Но такая форма существовала уже в античности, поэтому параллельно официальной риторике на периферии политэкономии появляются работы, относящие советский социализм к азиатскому способу производства, к докапиталистическому, а не посткапиталистическому общественному устройству [Нуреев, Ореховский, 2021a; Нуреев, Ореховский, 2021b]¹⁶.

«Косыгинские реформы» привели к ускорению экономического роста в восьмой пятилетке, но уже к 1969 г. появились признаки торможения. Н. Митрохин полагает, что это было связано с разочарованием Л.И. Брежнева, которое, в свою очередь, было обусловлено тем, что получившие самостоятельность директора стали использовать финансовые средства не для производственных инвестиций, но для увеличения «непрофильных активов»: «Брежнев поставил вопрос о серьёзных нарушениях в расходовании государственных средств не по назначению. В первую очередь это касалось строительства административных, спортивных, культурных и развлекательных зданий, которые возводились на средства предприятий вопреки ранее утверждённому плану. Речь шла о гигантских объёмах незапланированного строительства – 1 800 административных зданий, 834 дворца культуры, 380 стадионов, 29 цирков, огромный комплекс бань в Алма-Ате, шикарный ресторан, возведённый в 300 м от берега в Баку. Фактически это совещание, выразившее невысказанный упрёк системе государственной власти от лица партийной (поскольку именно система государственных органов была инициатором многих этих строек), означало конец “косыгинских реформ”» [Митрохин, 2023. С. 126].

Однако как понимать выражение «конец косыгинских реформ», «сворачивание реформ» и т.п. выражения, которыми пользуются многие историки в отношении периода 1970-х годов? С позиций институционального экономиста «конец реформ» можно интерпретировать двояко – как провал и возврат к прежнему институциональному положению, или, наоборот, как успех – и тогда вновь созданные институты продолжают функционировать. Митрохин, как и многие авторы, писавшие о косыгинских рефор-

16. Работы выполнены в рамках настоящего государственного задания.

мах, имеют в виду третье значение — *незаконченность* реформ. Никакого «отката» к хрущевским временам в 1970-е годы не происходило, директорский корпус сохранил свою самостоятельность. Государственные средства по-прежнему тратились «не по назначению», планы по-прежнему корректировались в сторону снижения, и в СССР продолжалась стадия «развитого социализма». Поэтому о «провале» косыгинских реформ, и тем более поражении товарников, говорить нельзя.

В свою очередь, что же было *целью* реформ? После создания каких институтов можно было объявить об их *успешном завершении*? В многочисленных работах советских экономистов-теоретиков нет ответа. В качестве успеха рассматривались высокие темпы экономического роста, но последние нельзя отождествлять с экономическим базисом.

Если радикализировать взгляды товарников-прогрессистов, то становится ясно, что конечной целью реформ был *рыночный социализм*. Последний в рамках теории конвергенции понимался как вариант западной социал-демократии: «скандинавский социализм», немецкая «социальная рыночная экономика». Поэтому весь период 1965–1991 гг. следует рассматривать как *переходный, транзитный*. И от косыгинских реформ, начавшихся в 1965 г., через паллиативные мероприятия 1979 г., которые не получили в историографии статуса реформ, руководство СССР переходит к «горбачевским реформам». Законы об индивидуальной трудовой деятельности, о кооперации, о государственном предприятии (последний радикально расширял права трудовых коллективов, вплоть до выборности директоров) — всё это являлось прямым продолжением реформ середины 1960-х годов. При этом естественно, что ни о каком переходе к «рыночному социализму», во многом скомпрометированному событиями в ЧССР 1968 г., а уж тем более конвергенции, официально не упоминалось. В официальных выступлениях и публикациях продолжала доминировать перформативность. Как говорил даже в 1987 г., когда до ликвидации СССР оставалось не более четырёх лет, Л.И. Абалкин: «Осуществляя коренную реформу управления экономикой, мы сегодня исходим из тех её принципов, которыми руководствовались в первые годы социалистического строительства, которым следовали или во всяком случае пытались следовать на протяжении всей

70-летней истории страны. Речь идёт о принципах демократического централизма, сочетания единоначалия и коллегиальности, использования плановых методов в единстве с экономическими рычагами, сочетания отраслевого и территориального подхода в управлении и др. Любое отступление от принципов означало бы уход в сторону от магистрального пути социалистического развития, а в определённых условиях и измену делу революции» [Абалкин, 1987. С. 7].

Таким образом, несмотря на все сложные межличностные отношения и связи экономистов-теоретиков, партийного и хозяйственного руководства СССР, дискурс товарников, включая «демократизацию» и «экономические рычаги управления» (эвфемизм, заменявший «рынок»), постепенно становился доминирующим. Идеологическое поражение антитоварников случилось ещё в 1960-е годы. В 1980-е годы это дополнилось и кадровым поражением — по естественным причинам уход поколения экономистов, получавших идеологическую прививку в 1940–1950-е годы, резко ускорился, а молодые экономисты-теоретики, за редким исключением, были намного радикальнее товарников. Поэтому старые идеи «адресно-директивных» методов управления в 1980-е годы стали выглядеть полной архаикой.

3. Слепые пятна во взглядах реформаторов

В политэкономии социализма содержалось большое количество противоречий. Марксизм — одно из направлений метатеории модернизации и критика последней как австрийской школы, так и историками (Р. Лахман с его «патом элит», И. Валлерстайн и Дж. Арриги — с позиций мир-системного подхода) является полностью применимой и по отношению к марксизму, и к самой политэкономии социализма. Характеристика таких противоречий выходит далеко за пределы доклада. Здесь мы остановимся на наиболее важных факторах, которые были проигнорированы политэкономиями-товарниками, что, в соответствии с нашей третьей гипотезой, способствовало краху СССР.

Первый фактор — игнорирование политико-экономической природы советских предприятий, производственных объединений, хозяйственных министерств. Несмотря на декларацию того, что эти хозяйственные агенты радикально отличаются от «фирм» и «капи-

талистов» на западе, товарники упорно пытались выстроить такую систему стимулов, которая заставила бы директорский корпус, а заодно и министерства в целом стремиться к росту прибыли и расширению производства.

Заметим, что такое же слепое пятно в отношении социалистических предприятий и министерств было не только у политэкономов, но и у экономистов-математиков. В западной экономической теории фирмы и отрасли представляются в форме производственных функций, описывающих зависимость между затратами и доходом. Аналогичным образом моделировалось поведение и советских «производственных единиц».

Однако советские заводы никогда не были свободны от выполнения социальных функций. Начиная с первых пятилеток директорский корпус должен был решать не только вопросы, связанные с выпуском продукции, но и с обеспечением своих работников жильём, медицинским обслуживанием, необходимыми товарами. Тогда же создаются первые отделы и управления рабочего снабжения (ОРСы и УРСы). Со временем эти функции расширяются — строятся дома культуры и стадионы, санатории, создаются заводские СМИ, подсобные хозяйства. Энергетические объекты, водоснабжающие организации обеспечивают энергией, теплом, водой не только производство, но жилой фонд и другие объекты городской застройки.

Естественно, что расширение непроизводственных фондов не могло происходить без одобрения и соответствующих решений министерств и ведомств. Последние имели свои подразделения, ответственные за выполнение соответствующих функций. Скажем, АН СССР была весьма богатым ведомством, со своим жильём, санаториями, больницами, УРСами (столами заказов), магазинами, домами культуры и т.д. Содержание многих этих объектов осуществлялось за счёт «прибыли» НИИ (или, в случае региональных отделений, таких как СО АН, УрО АН, Дальневосточного отделения АН СССР, за счёт прибыли отделений в целом).

Таким образом, советские предприятия были не «фирмами», а обладали своеобразной квазигосударственной природой. Министерства выступали в качестве корпораций, но не в «капиталистическом» смысле этого слова (юридические лица, стремящиеся

к максимальной капитализации), а в античном и средневековом (город и/или монашеский орден)¹⁷. И когда предлагалось ликвидировать убыточные предприятия, необходимо было предусмотреть средства на переселение и адаптацию работников и их семей, пользовавшихся этими «непрофильными активами».

Принятый в 1987 г. закон о государственном предприятии, в сущности, ликвидировал контроль министерств не только за директорами, но и за непрофильными активами. У многих предприятий и объединений просто не было средств на их содержание. Это предопределило многолетнее ухудшение состояния всего «соцкультбыта», которое началось уже в 1988 г. «Коммерциализация» — т.е. избавление предприятий от непрофильных активов — продолжалась в течение всего периода 1990-х годов как необходимая подготовка предприятий к последующей приватизации, но осталась практически незамеченной современными российскими историками.

Естественно, что политэкономы-товарники не могли не знать о существовании непроизводственных фондов предприятий и учреждений — будучи советскими людьми, они также пользовались услугами ведомственных детских дошкольных учреждений, больниц, столов заказов и т.д. В этих условиях переход к «экономическим рычагам управления» без предварительной радикальной реформы всей «непроизводственной сферы» был чреват социально-экономической катастрофой.

Отметим здесь важность *реификации*. Игнорирование проблемы непроизводственных фондов не в последнюю очередь было связано с учётными процедурами. Скажем, больницы и магазины Министерства среднего машиностроения отчитывались по кодам (ОКОНХ) здравоохранения и торговли, но не как «услуги машиностроения». В советской статистике, предоставлявшей информацию властям и обществу, не было никаких «квазигосударственных корпораций». Неявное знание советских граждан о «разной товарной наполненности» рубля в разных отраслях народного хозяйства было трудно количественно оценить даже в советское время. Теперь же это неявное знание постепенно переходит в категорию «утраченного».

17. Подробнее [Ореховский, 2022]. Работа выполнена в рамках настоящего государственного задания.

Реификация также закрывала формальную возможность для анализа социальной неоднородности, сводя многочисленные советские социальные группы к рабочим, крестьянам и служащим. Но если это обстоятельство замечалось и политэкономами, и социологами, а закон распределения по труду часто оказывался в центре дискуссий, то риторическая ловушка, связанная с отождествлением «этноса» и «народа», была полностью проигнорирована (и продолжает игнорироваться в наше время). Во многом, конечно, это связано с наследством политической философии и экономической науки XIX в., где формирование демократических политических режимов связывалось с мононациональностью и «властью народа».

Этнос – категория из сферы биологического, в то время как народ и нация – из сферы политического. Использование политэкономами (как товарниками, так и антитоварниками) метафоры «общенародной» собственности во многом закрывало возможность разграничения федеральной (союзной), республиканской, региональной и муниципальной собственности. Эта же риторика использовалась и в важнейших документах, лежащих в формально-правовой основе Союза ССР. В Конституции 1977 г. говорилось об общенародной собственности как применительно к советскому народу, так и к народам союзных республик (которых по умолчанию отождествляли с «титულными этносами»).

Таким образом, Конституция СССР представляла собой конституцию конфедеративного государства, где каждая республика обладала своей «общенародной собственностью» и самостоятельными органами управления (МИД, МВД, другие общесоюзные министерства полностью дублировались на республиканском уровне; исключением была только РСФСР). Единственной политической силой, которая скрепляла это конфедеративное объединение, была КПСС, и мнения о том, что СССР представлял собой «унитарное государство», по сути, относились к тому обстоятельству, что КПСС обладала монополией на власть, что и было закреплено в 6 статье Конституции СССР 1977 г.

Многолетняя борьба экономистов-товарников за «демократизацию» не учитывала этого институционального обстоятельства. Фактически СССР был ликвидирован ещё в марте 1990 г. на III съезде народных депутатов, отменившем 6 статью. Распад конфедера-

тивного государства становился неизбежным в свете положений новой (немарксистской) политической экономики — политические субъекты, представлявшие «титульные этносы» и получившие возможность экспроприации союзной «общенародной» собственности и максимизации своего личного дохода, естественно, воспользовались сложившейся ситуацией [Ореховский, 2022]¹⁸.

18. Работа выполнена в рамках настоящего государственного задания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ДРУГИЕ РЕАЛЬНОСТИ

Происходившая в 1980–1990-х годах эволюция, на наш взгляд, хорошо укладывается в концепцию «многоуровневой экономики», предложенную выдающимся советским экономистом Ю.В. Яременко ещё в конце 1970-х годов. Однако его модель экономического роста, которая предполагает непрерывную структурную перестройку, находилась на периферии как либерально-демократического, так и марксистско-ревизионистского дискурсов. Несмотря на статус академика РАН и директора одного из ключевых экономических НИИ в СССР, Яременко не смог оказать существенного влияния на экономическую политику советского руководства. Характеристика структуралистского дискурса Яременко выходит за рамки данного доклада.

Распад СССР и болезненный экономический крах не предусматривался ни в одной из реальностей советских (да и западных) экономистов. Осмысление «переходного периода», трансформации социализма в капитализм было за пределами марксистских дискурсов, а с позиций либерально-демократического дискурса речь должна была идти о политическом, но не экономическом крахе. В связи с этим реальность 1990-х годов не могла быть проинтерпретирована в рамках коллективной когнитивной структуры советских экономистов, что привело к временной потере научного языка – афазии. Это, естественно, не означало состояния немоты, речь идёт о том, что используемые концепты никак не соотносились с наблюдаемыми феноменами [Ореховский, 2022]¹⁹.

19. Работа выполнена в рамках настоящего государственного задания.

В свою очередь, ситуацию, когда происходит резкое изменение взглядов учёных, можно интерпретировать как научную революцию, предполагающую не временную утрату когнитивности, но интеллектуальный прогресс, смену научной парадигмы на более общую, позволяющую объяснить ранее игнорируемые слепые пятна. Смена речевых практик и сложившаяся новая реальность были осмыслены самими экономистами и социологами именно в таком прогрессистском ключе: «...в конце 1980-х и начале 1990-х годов в профессиональных экономических журналах обсуждались возможности и направления реформирования социализма. При этом способы ведения диспута оставались старыми: ссылки на работы классиков марксизма были по-прежнему обязательны...

Одновременно в рамках академической традиции заметно активизировалось направление, которое можно назвать просветительским и цель которого была познакомить отечественных экономистов с западной экономической мыслью и западным опытом...» [Макашева, 2006. С. 412]. Н.А. Макашева пытается вписать смену дискурсов в методологические рамки концепций «революции» по Т. Куну и/или «прироста научного знания» по К. Попперу. В её нарратив не укладываются симпатии российских либералов к М. Тэтчер и А. Пиночету, а потому игнорируются. Она констатирует смену речевых практик, подчёркивая, что своеобразным «полем примирения» становится институционализм, где себе находят пристанище как часть бывших молодых марксистов, так и часть либералов.

Социолог Н.А. Шматко несколько иначе оценивает ход и результаты научных дискуссий экономистов в 1980–1990-е годы, начиная отсчёт с 1990 г.: «Именно в 1990 г. были созданы комиссии по экономической реформе, в которые помимо академиков и крупных чиновников вошли молодые экономисты. Впервые возникла возможность настоящего соревнования молодых и старых экономистов, которые стали наперебой предлагать свои проекты. Основная борьба развернулась между проектами “умеренных академиков” под руководством Л. Абалкина и “молодых реформаторов”, которых поддержал академик С. Шаталин. Речь идёт о Г. Явлинском и М. Задорнове. В 1990 г. они работали в группе под руководством Л. Абалкина, однако начали параллельно развивать альтернативный проект либерализации советской экономики, первоначально

названный “400 дней”, который был закончен к весне 1990 г. и представлен Б. Ельцину...

1990 г. — это также время активного вхождения в политику Е. Гайдара и А. Чубайса... В этом же году состоялось знаковое событие, повлиявшее на дальнейшую судьбу молодых экономистов и их систему взглядов: личное знакомство Е. Гайдара с экспертами Международного валютного фонда и Всемирного банка Дж. Саксом и А. Ослундом.

1990 г. ознаменовался началом важнейших структурно-институциональных перемен поля экономической науки, созданием новых, “независимых”... исследовательских институтов. Первым в их ряду стал Институт экономической политики Академии народного хозяйства (впоследствии Институт проблем переходного периода), основанный Гайдаром... Вслед за этим институтом в 1990-х годы возник целый ряд такого рода “независимых” и “некоммерческих” организаций, которые создавали молодые экономисты, прошедшие “школу” работы в правительственных структурах, ответственных за разработку экономических реформ (В. Найшуль, А. Илларионов и др.)» [Шматко, 2011. С. 187–189].

Социологическое исследование Шматко включает в себя выборку из 67 экономистов (от Л.И. Абалкина и П.О. Авена до Ю.В. Яременко и Е.Г. Ясина), которые вступали в «отношения конкуренции и кооперации» по ключевым аспектам программы экономических реформ. Поле, в котором они конкурировали, структурировано тремя осями — научного (1), административного (2) и государственно-политического (3) капиталов. Динамика поля экономической науки в 1988–1990–1995 гг. определялась сдвигом в «иерархии структур поля: административные ресурсы в экономической науке перестали быть одним из двух главных определяющих факторов, их место заняли ресурсы политической природы. Иными словами, за семь лет возможность управлять организацией научного процесса и воспроизводством профессионального корпуса обесценилась. Зато возник новый фактор размежевания экономистов, отражающий различия между ними по их отношениям с государственными и политическими институтами, выступающими заказчиками научной продукции»... ..самоорганизация доминируемых, не занимавших сколько-нибудь значимых постов по академиче-

ской табели о рангах, но достаточно компетентных и к тому же придерживающихся научных взглядов, преобладающих в мировой экономической науке, сыграла роль “действующей причины”, изменившей иерархию поля. Эта самоорганизация “попала в резонанс” с либерально ориентированными СМИ, что создало условия для интеграции вчерашних молодых учёных в публичную политику» [Там же. С. 215–216].

Легко заметить, что Н. Макашева и Н. Шматко говорят о разных революциях. Макашева пишет в первую очередь об изменении категорий и аналитических инструментов экономической теории, о том, что Шматко относит к «научному капиталу». В свою очередь, смену же «авторитетов», «начальства», о которой говорит Н. Шматко, Макашева характеризует как «революцию в науке», рассматривая последнюю на примере 1920-х годов [Макашева, 2006. С. 406]. Естественно, Шматко пишет не только о научной, но и о *социальной* революции, где ранее «доминируемые» экономисты стали теперь «доминирующими»: «Доминируемые молодые экономисты, придерживающиеся стратегии “ереси” по отношению к ортодоксии “политэкономии социализма”, делают блестящие, небывалые карьеры; ресурсы доминирующих обесцениваются, а сохраняемая ими докса советской экономики растворяется почти без остатка» [Шматко, 2011. С. 220].

Понятно, что с ликвидацией «советской экономики» исчезает и её «докса». Заодно «исчезновение» означает теоретическую смерть как рыночного социализма, так и теории конвергенции в целом. В рамках той реальности, которая сформирована нынешними авторитетными российскими экономистами-теоретиками, интерпретировать советское прошлое можно только либо в рамках либерально-демократического дискурса, либо в рамках марксистско-радикального. Раздражающим напоминанием о советских товарниках остаётся Китай, мешающий становлению новой гражданской религии, адептами которой выступали либерально-демократические замполиты. Однако новые учебники экономической теории переведены и изданы большими тиражами ещё в 1990-х. В нулевые годы они адаптированы к преподаванию в отечественных вузах российскими авторами. Драматичный опыт истории политэкономии социализма, в общем-то, забыт — но в соответствии с концепцией Куна так и должно быть.

Сформировалась и новая оппозиция, на краях которой находятся отечественные либертарики, выступающие за дальнейшую приватизацию и ликвидацию государственного регулирования в ряде сфер экономики, и отечественные дирижисты, требующие увеличения государственных расходов для внедрения технологий нового технологического уклада. Однако характеристика когнитивных структур, используемых дискурсов и слепых пятен современных российских экономистов выходит за рамки предмета нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Абалкин А.И.* (1987). Перестройка управления экономикой – продолжение дела Октябрьской революции: Материалы к докл. для обсужд. на торжеств. засед. Уч. Совета ИЭ АН СССР 29 октября 1987 г. Препринт. М.: ИЭ АН СССР.
- Ассман А.* (2023). Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение.
- Бодрийяр Ж.* (2003). К критике политической экономии знака. М.: Библион – Русская книга.
- Бузгалин А., Колганов А.* (1992). Трагедия социализма. М.: Экономическая демократия, 1992.
- Вархотов Т.А.* (2023). Метод против истины. Часть 1. По направлению к одномерности – становление критической теории Франкфуртской школы // Вопросы теоретической экономики. 2023 №2. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_7_21.
- Вархотов Т.А.* (2023). Метод против истины. Часть 2: Схизма с советским марксизмом и трансформация дискурса Франкфуртской школы // Вопросы теоретической экономики. 2023. №3. С. 49–61. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_49_61.
- Воейков М.И.* (2023). Марксизм и интеллектуальная Россия. Политэкономические силуэты: Туган-Барановский, Рубин, Кронрод. М.: ЛЕНАНД.
- Восленский М.* (1991). Номенклатура. М.: МП «Октябрь» – Советская Россия.
- Гайдар Е.* (2012). Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Астрель: CORPUS.
- Гайдар Е.Т.* (2009). Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб.: Норма.

- Гэлбрейт Дж.К. (1969). Новое индустриальное общество. М.: Прогресс.
- Джентиле Э. (2021). Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб.: Владимир Даль.
- Джилас М. (1958). Новый класс: Анализ коммунистической системы. New York: Praeger.
- Зиновьев А.А. (1994). Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф.
- История политической экономии социализма. Коллективная монография. (1983). Под ред. Д.К. Трифонова и Л.Д. Широкограда. Ленинград: Изд-во ЛГУ. С. 300–301.
- Кошовец О.Б. (2022). Экономическое знание и власть: от научной объективности к технологиям имперсональности и социальному конструированию // Эпистемология и философия науки. Т. 59. № 1. С. 171–189.
- Кронрод Я.А. (1992). Очерки социально-экономического развития XX века. М.: Наука.
- Кузнецова Т.Е. (2005). Ветераны цаголовской школы о себе, своём вожде и своих «победах». (О книге «Судьба политической экономии и её советского классика»). М.: Институт экономики РАН.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
- Курс политической экономии (1963); в 2-х т.: для экон. фак. и вузов / Под ред. Н.А. Цаголова. М.: Экономиздат.
- Макашева Н.А. (2006). Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х – 1990-е гг.): революция и рост научного знания // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / редколл.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов (зам. гл. ред.), О.И. Ананьин и др. М.: ИД ГУ ВШЭ. С. 400–427.
- Мизес Л. (1994). Социализм: экономический и социологический анализ. М.: Catallaxu.
- Митрохин Н. (2023). Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах. Т.1. – М.: Новое литературное обозрение.
- Нуреев Р.М. (1990). Азиатский способ производства и социализм // Вопросы экономики. №3. С. 47–58.
- Нуреев Р.М., Ореховский П.А. (2021). Дискуссии вокруг основного производственного отношения в политэкономии социализма: Когнитивный тупик 1970-х // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 2. С. 185–196. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-2.2.
- Нуреев Р.М., П.А. Ореховский (2021). Дискуссии об азиатском способе производства (Политэкономия социализма: когнитивный тупик 1970-х) // Journal of Economic regulation 12(2). С. 47–62. DOI: 10.17835/2078-5429.2021.12.2.006-021.

- Ореховский П.А. (2022). «Феномен Горбачева»: распад СССР через призму новой политической экономии // Федерализм. Т. 27. № 3 (107). С. 5–22. DOI: 10.21686/2073-1051-2022-3-5-22.
- Ореховский П.А. (2022). Советские корпорации: «Прокляты и забыты»? (Границы современного авторитетного экономического дискурса) // Вестник ИЭ РАН. №3. С. 7–31. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_3_7_31.
- Ореховский П.А. (2023). Афазия или научная революция? (Дискурсы советских марксистских и немарксистских экономистов в 1980–1990-х гг.) // Journal of Institutional Studies 15(1). С. 43–59. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.1.043-059.
- Ореховский П.А., Вархотов Т.А., Кошовец О.Б. (2022a). Конкурирующие проекты социализма в СССР периода политического романтизма. Ч. I. Политэкономия социализма: проект или симулякр? // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 154–166.
- Ореховский П.А., Вархотов Т.А., Кошовец О.Б. (2022b). Конкурирующие проекты социализма в СССР периода политического романтизма. Часть II. Социализм без экономики: конструктивизм и антиутопия // Вопросы философии. 2022. № 4. С. 140–152.
- Ореховский П. А., Нуреев Р. М. (2023). Схоластика в экономической науке как симптом неизбежного кризиса // AlterEconomics. 20(1). С. 9–28. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.2.
- Остин Д. (1986). Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М. С. 22–130.
- Политическая экономия. Учебник (1954). Под ред. К.В. Островитянова, Д.Т. Шепилова, Л.А. Леонтьева, И.Д. Лаптева, И.И. Кузьминова, Л.М. Гатовкого. М.: Госполитиздат. С. 283–284.
- Преображенский Е.А. (2008). Новая экономика (теория и практика): 1922–1928. Т. I. Опыт теоретического анализа советского хозяйства; Т. II. Конкретный анализ советского хозяйства. М.: Изд-во Главархива Москвы.
- Серль Д. (1986a). Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М. С. 170 – 194.
- Серль Д. (1986b). Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М. С. 151–169.
- Троцкий Л.Д. (1991). Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991.
- Фегелин Э. (2021). Новая наука политики. Введение. СПб.: Владимир Даль.
- Фурман Д.Е. (2011). Сталин и мы с религиозной точки зрения // Фурман Д.Е. Избранное. М.: ИД «Территория будущего». С. 262–298.
- Хайек Ф. (1992). Путь к рабству. М.: Экономика.

- Шматко Н.* (2011). «Научная революция» в экономике // Символическая власть: социальные науки и политика: Сб. ст. /сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. С. 186 –224.
- Шумпетер Й.* (1995). Капитализм, социализм, демократия. М.: Экономика.
- Юриак А.* (2014). Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение.
- Wittfogel К.А.* (1957). Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven, London: Yale University Press. См. также Русское интернет-издание: К.-А. Виттфогель. Деспотизм Востока. Сравнительное исследование тотальной власти. Самиздат. http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml.

Редакционно-издательский отдел:
Тел.: +7 (499) 129 0472
e-mail: print@inecon.ru
сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Ореховский П.А.

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИСКУРСОВ
ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СССР
И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЯ
НА ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ (вторая половина XX в.)

Оригинал-макет – Валериус В.Е.
Редактор – Полякова А.В.
Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Подписано в печать 27.12.2023 г.
Заказ № 29. Тираж 300. Объем 2,1 уч. изд. л.
Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0746-4

9 785994 007464